

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 3, pp. 546–558, 2025
 DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-546-558

МОНГОЛОВЕДИЕНИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 394.7+398.332

UDC 394.7+398.332

Небесная трагедия: затмение луны в языке и мифологии тюрко-мон- гольских народов

Celestial Tragedy: Lunar Eclipse in the Language and Mythology of the Turkic and Mongolic Peoples

*Марина Михайловна Содномпилова¹,
Баир Зориктоевич Нанзатов²*

*Marina M. Sodnompilova¹,
Bair Z. Nanzatov²*

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8,
ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста,
Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий науч-
ный сотрудник

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8,
Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Feder-
ation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Asso-
ciate

 0000-0003-0741-0494. E-mail: sodnompilova[at]yandex.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8,
ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста,
Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8,
Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Feder-
ation)

Cand. Sc. (History), Senior Research As-
sociate

 0000-0001-8012-2515. E-mail: nanzatov[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З., 2025

© Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z., 2025

Аннотация. Введение. В традиционном мировоззрении тюрко-монгольских народов из космических объектов именно с ночным светилом связывалось большое разнообразие значений, символов и функций. *Целью* данной статьи является анализ отражения лунного затмения в языке, мифологии, магических практиках и обрядах тюрко-монгольских народов. *Материалы и методы.* Работа базируется на комплексном, системно-историческом подходах к изучению прошлого. Методика исследования основана на историко-этнографических методах. Основными источниками исследования стали материалы по мифологии и фольклору тюрко-монгольских народов, отражающие представления кочевников о спутнике нашей планеты. *Результаты.* В лексике тюрко-монгольских народов затмение луны отражают определения, выражающие идеи: 1) пленения ночного светила; 2) его смерти; 3) его загрязнения / помутнения. В регионе пре-
валирует первая идея, тесно связанная с мифами о персонажах, проглатывающих

небесные светила. Автономно от мифов в языке монгольских народов фиксируется третья идея. Названия затмения, транслирующие идею загрязнения, помутнения представляют собой следы архаичного мифологического сюжета, имеющего африканские «корни», несмотря на отсутствие в тюрко-монгольской среде мифов, повествующих о причине и форме загрязнения луны. *Выводы.* В центральной части Внутренней Азии концентрируются представления о лунном затмении как о пленении, поглощении луны неким чудовищем, локализующимся на небе, образ которого имеет южное происхождение. Исключением является образ медведя, характерный для северной периферии тюрко-монгольского мира. В ритуальных действиях, направленных на спасение небесного светила, можно увидеть следы архаичных представлений, связывающих Сибирь с регионами российского Дальнего Востока, Восточной Азии. Локальный характер имеет обычай включения в ритуалы «спасения» луны сирот у тюрков Южной Сибири и бурят. Группу таких особенных людей в некоторых местах дополняют вдовы, близнецы, мальчишки, достигшие трехлетнего возраста.

Ключевые слова: тюрко-монгольские народы, луна, названия, этимология, мифологические образы

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З. Небесная трагедия: затмение луны в языке и мифологии тюрко-монгольских народов // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 3. С. 546–558. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-546-558

Abstract. *Introduction.* Among the cosmic objects in the traditional worldview of the Turkic and Mongolic peoples, it was the night luminary that was associated with a wide variety of meanings, symbols, and functions. The purpose of this article is to analyze the reflection of the lunar eclipse in the language, mythology, magical practices, and rituals of the Turkic and Mongolic peoples. *Materials and methods.* The work is based on a comprehensive, systemic-historical approach to studying the past. The research methodology is based on historical and ethnographic methods. The main sources of the study were materials on the mythology and folklore of the Turkic and Mongolic peoples, reflecting the ideas of nomads about the satellite of our planet. *Results.* In the vocabulary of the Turkic and Mongolic peoples, the lunar eclipse is associated with a group of terms expressing the ideas of 1. the capture of the night luminary, 2. its death, and 3. pollution/clouding. The first idea, closely related to myths about characters swallowing celestial bodies, prevails in the region. The other ideas are fixed in the languages of the Mongolic peoples independently of the myths. The names of the eclipse, conveying the idea of pollution, clouding, are traces of an archaic mythological plot with African “roots”, despite the absence of myths in the Turkic and Mongolic environment that tell about the cause and form of pollution of the moon. *Conclusions.* In the central part of Inner Asia, ideas about the lunar eclipse are concentrated as the capture, absorption of the moon by a certain monster localized in the sky, the image of which has a southern origin. An exception is the image of a bear, characteristic of the northern periphery of the Turkic and Mongolic world. In ritual actions aimed at saving the celestial body, one can see traces of archaic ideas that connect Siberia with the regions of the Russian Far East and East Asia. The custom of including orphans in the rituals of “saving” the Moon among the Turkic peoples of Southern Siberia and the Buryats is of a local nature. The group of such special people in some places is supplemented by widows, twins, boys who have reached 3 years of age.

Keywords: Turkic and Mongolic peoples, moon, names, etymology, mythological images

Acknowledgement. The reported study was funded by government subsidy, project no.123021300198-4 “Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China”.

For citation: Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z. Celestial Tragedy: Lunar Eclipse in the Language and Mythology of the Turkic and Mongolic Peoples. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 3. Pp. 546–558. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-3-546-558

1. Введение

Издревле пристальное внимание людей было приковано к ночному светилу. В традиционном мировоззрении тюрко-монгольских народов из космических объектов именно с луной связывалось большое разнообразие значений, символов и функций. Изучению небесных светил посвящено множество работ, в которых внимание уделялось их роли в жизни людей, лексике, мифологическим образам, преимущественно в магической и ритуальной практике, однако в большинстве случаев сведения являлись частью общих исследований, посвященных астральной тематике. Отдельный интерес исследователей вызывали персонажи пантеонов тюрко-монголов, связанных с солярной, лунарной и астральной символикой. В частности специальные исследования этой проблематике посвятили Л. П. Потапов [Потапов 1969], Н. А. Алексеев [Алексеев 1980], В. Я. Бутанаев, Ч. В. Монгуш [Бутанаев, Монгуш 2005], Б. С. Дугаров [Дугаров 2005]. Верования и ритуальные практики тюрко-монгольских народов, связанные с небесными светилами, рассмотрели в своих работах В. А. Бурнаков, Д. Ц. Цыденова [Бурнаков, Цыденова 2013; Бурнаков 2012], В. Е. Васильев [Васильев 2020], Ж. М. Юша [Юша 2024].

Смешанные чувства у людей вызывали такие астрономические явления, как затмения небесных светил. На территории Внутренней Азии, где преимущественно проживают тюркские и монгольские народы, бытуют очень разные представления об этом астральном явлении. Целью данной публикации является анализ отражения лунного затмения в языке, мифологии, магических практиках и обрядах тюрко-монгольских народов.

2. Материалы и методы

Работа базируется на комплексном, системно-историческом подходах к изучению прошлого. Методика исследования основана на историко-этнографических методах. Основными источниками исследования стали материалы по мифологии и фольклору тюрко-монгольских народов, отражающие представления кочевников о спутнике нашей планеты, в том числе материалы архива Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (далее — ЦВРК ИМБТ СО РАН).

3. Результаты исследования

Затмение луны в представлениях тюрко-монгольских народов Внутренней Азии в целом характеризовалось как явление негативное. Если в далеком прошлом затмение небесных светил рассматривалось как случайное и непредсказуемое, то со временем возникли представления о периодичности лунного

и солнечного затмений. Так, ойраты предполагали, что солнечное затмение происходит каждые три года, а лунное — каждые три месяца. Но у захчинов бытует мнение, что затмение луны случается раз в три года, оно может произойти 15-го числа в зимний период либо уже в начале весны. Считалось, что, если лунное затмение произойдет весной, будет сильная засуха. Придавалось значение и тому, в каком направлении тень от нашей планеты падала на Луну, когда затемнение начиналось с северной стороны спутника и двигалось на юг, это считалось хорошей приметой, если наоборот — то плохой [Ганболд 2012: 31]. Однако неизвестны ни позитивные, ни негативные последствия этих примет. Беременные женщины не должны были наблюдать за затмениями солнца и луны [Ганболд 2012: 31]. В лексике тюрко-монгольских народов затмение луны отражают определения, выражающие идеи: 1) пленения ночного светила; 2) его смерти; 3) загрязнения / помутнения.

Хакасы затмение луны трактовали как смерть светила *ай олгени* [Бутанаев 1999: 77]. Аналогичное понимание отмечалось и у якутов: они называли затмение луны *ыйөлүүтэ* [Кузьмина 2023: 111], что транслировало идею гибели светила [Слепцов 1972: 286]. Алтайцы толковали затмение как пленение луны *ай кары* / *ай карыкан туты* [Потанин 1883: 191] мифическим чудовищем. Их взгляды разделяли тувинцы: затмение они называли *ай туттурушкуну*, что означало пленение [Бутанаев, Монгуш 2005: 43]. В казахском языке лунное затмение обозначалось как *айдын түтүлү* [Джанузаков 1982: 163], такое же значение оно имело в сойотском языке — *ай туьттурсан* ‘луна затмилась’ [Рассадин 2002: 11].

Монгольские народы также полагали, что во время затмения небесные светила оказывались схваченными, плененными мифическими чудовищами, и, созерцая это явление, люди кричали чудовищу: «Алха, отпусти!». Затмение небесных светил в калмыцком языке представлено выражением *араха нар* / *сар хаалһн* (‘араха солнце / луну закрыл’) [МКРС 2002: 136]. В диалектах предбайкальских бурят обозначение лунного затмения в форме *hara alxa bar’a* (‘луну алха схватил’) было зафиксировано в материалах Усть-Удинско-Осинской диалектологической экспедиции 1976 г. [ЦВРК. ОАФ. Д. 2285а. Блокнот 1. Л. 43; ЦВРК. ОАФ. Д. 2285а. Блокнот 3. Л. 74; ЦВРК. ОАФ. Д. 2285б, Блокнот 1. Л. 91]. Следует отметить, что это выражение, отражающее широко распространенное среди предбайкальских бурят представление о природе данного астрального явления, зафиксировано рядом исследователей (В. А. Михайловым [Михайлов 1996], М. Н. Хангаловым [Хангалов 1959], И. А. Манжигеевым [Манжигеев 1978] и др.).

Вместе с тем в монгольских языках распространение получило и другое название лунного затмения. Г. Н. Потаниным у ойратов зафиксировано выражение *сар куртеля* [Потанин 1883: 191]. В литературной версии монгольского языка это выражение выглядит следующим образом: х.-монг. *нар* / *сар хиртэх*, *хиртэлгэ* — ‘затмение солнца / луны’, стп.-монг. *naran kirtube* — ‘солнце затмилось’ [БАМРС 2001: 87]. Известны два значения термина *хиртэх*: ‘1) загрязняться, пачкаться; замараться; 2) потемнеть, потускнеть’ [БАМРС 2001: 87]. В бурятском варианте это же слово звучит как *хиртэлгэ* [БРС 1972: 573]. Их происхождение связано с термином *хирэ*, имеющим значение ‘грязь’.

3.1. Затмение луны в мифологии

Значения рассмотренных выше двух групп определений лунного затмения — «пленение» и «загрязнение» — очень важны, они отражают две разные идеи интерпретации этого явления в мировоззрении тюрко-монголов.

Затмения луны происходили довольно часто, и представления, составленные тюрко-монголами Внутренней Азии об этом явлении, отразились в мотиве поглощения / пленения луны разными персонажами.

В древних верованиях предбайкальских бурят, расселившихся севернее оз. Байкал, с севером связывался образ мифического черного зверя, появление которого на земле вызывало затмение небесных светил. Сведения о большом звере, в чьем образе проглядываются черты медведя, были записаны в 1913 г. В. И. Подгорбунским в Прибайкалье, в улусе Шохтой, от бурятского шамана Пиноса: *«На востоке... в черной дыре... в земле, большой зверь живет. Он годами ничего не ест. Когда ночью редко выходит... луну глотает... Когда днем выходит, солнце глотает... Потом зверь опять в черную дыру уходит, годами лежит...»* [Подгорбунский 1996: 233–234]. Данная бурятская версия напоминает якутский сюжет о фазах луны. Полагаем, что сходство взглядов в данном случае указывает на общность мировоззренческой базы предков якутов и бурят.

Среди монгольских народов наибольшую известность получил мотив о некоем чудовище Араху / Алха / Раху. *«Затмения солнца и луны бывают, по мнению бурят, в трудные по болезни и другим причинам годы, и затмения считаются делом мифического чудовища Алха, которое старается поглотить светила»* [Михайлов 1996: 74].

Несмотря на сходство названий, происхождение чудовища в мифологии разных народов значительно отличается. Истоки этого образа имеют южное происхождение и связаны с индуистской мифологией. В сюжетах повествований о затмениях небесных светил, и в частности луны, упоминаются персонажи индуистской мифологии — дэвы, асуры, Очирвани / Ваджрапани, а также священный напиток бессмертия амрита, возникший из океана, либо созданный богами. Согласно основному сюжету, чудовище Раху выпило напиток и спряталось. Его местонахождение выдали небесные светила, и обнаруженное чудовище богами было рассечено напополам. Солнце и луну чудовище глотает в отместку, говоря при этом луне: *«Ты указала на меня, и за это я три раза в год буду заслонять твоё лицо»* [Семь звезд 2004: 41].

По другой версии, известной и бурятам, и ойратам, некое чудовище Араху, жившее на земле, сильно досаждало людям (у ойратов-дербетов), испортило творение бурхана — человека, съев с его тела шерсть (у тункинских бурят), за что было наказано верховным божеством — Ехэ бурханом. Араху спрятался от божества, но месяц выдал его местонахождение. Божество рассекло чудовище напополам. Оставшаяся на небе верхняя часть Араху с тех пор регулярно мстит месяцу, проглатывая его. Но поскольку у чудовища только половина тела, месяц из него вываливается [Потанин 1883: 191, 193].

Среди мотивов происхождения чудовища, вредящего небесным светилам, выделяется мотив, встречающийся в одной из версий главного эпического произведения бурят «Гэсэр»: появление чудовища, проглатывающего небесные светила, связано с поединком двух владык небесного мира — Хана Хюрмаса и Атай Улана. Первый, одержав победу над Атай Уланом, разрубает его тело на

множество частей. Голова Атай Улана, застряв между небом и землей, превращается в чудовище Араха-шудхэр:

*«Большая круглая голова закрутилась,
Между небом и землей остановилась,
Верх возвратиться — так сил уж нет,
Вниз опуститься — желания нет.
Превратилась она в чудовище Архан-шудхэр¹,
Блуждает по небу меж звездных сфер, то медленно вращается,
То метеором несется,
Намеревается проглотить и луну, и солнце» [Гэсэр 1988: 93].*

Тувинцы объясняли затмение луны действиями чудовища Амырга, и, чтобы освободить луну, пугали его шумом [Потапов 1969: 292]. Несколько хакасских мифов объясняют затмение луны действиями мифического чудовища Чилбегена, которого Ах-Кудай помещает на луну, спасая человечество, либо светило само, спустившись к земле, схватило чудовище.

В Южной Сибири были актуальны образы неких злых колдунов либо ведьм, которые поднимаются к ночному светилу и распускают свои волосы, закрывая луну. У хакасов светило закрывала злая колдунья [Бутанаев 2003: 47]. Зловредные действия земных колдунов *орбыше* и *торынчи*, закрывающих светило покрывалом и вызывающих затмения, отмечены в ряде алтайских преданий, записанных Г. Н. Потаниным и Н. Ф. Катановым [Потанин 1883: 193; Катанов 1907: 204, 375]. В преданиях тофаларов в затмении небесных светил также повинна злая колдунья, являющаяся помощницей черта-аза в Среднем мире. Эта ведьма *чел бага / чил бага* постоянно вредила людям. Чтобы на земле было темно, она проглотила солнце, *«которое бурхан освободил, разрубив колокольчиком горло ведьме»* [ТНВС 2008: 315]. На западе Монголии, где живут захчины, процесс затемнения светила объясняют следующим образом: *«Говорят, что во время лунного затмения тень зла покрывает луну со всех сторон, вызывая неприятности»* [Ганболд 2012: 31].

В некоторых районах Халхи (Монголия) распространен миф о том, что чудовищу Раху помогает небольшое насекомое со множеством ног, которое обычно живет под корой деревьев и в скалах. Когда наступает время затмения, насекомое вырастает до размеров коровы и ловит солнце и луну своими усами, помогая Раху [Ганболд 2012: 31].

Другое определение лунного затмения, обнаруженное в монгольских языках и отражающее идею загрязнения светила, следует охарактеризовать как отголосок древнейших представлений людей о луне, зародившихся еще на африканском континенте. Следует особо отметить, что в своем большинстве эти воззрения связываются не с затмениями луны, а с лунными пятнами. Как удалось выяснить Ю. Е. Березкину, характерной чертой «африканских» воззрений сапиенсов о лунных пятнах был нефигуративный характер их истолкования. Иными словами, в ранних представлениях человека лунные пятна виделись непосредственно пятнами грязи, золы, песка, навоза, которыми было испачкано небесное светило в силу разных причин (из зависти, в целях приглушения слишком яркого света и т. д.). *«Нефигуративный характер истолкования пятен на лунном диске объединяет Африку южнее Сахары с Австралией, Меланезией и Южной Америкой»* [Березкин 2013: 99–100]. Нефигуративная интерпретация лунных пятен также характерна для юга Балкан и Кавказа, известна она в Восточной Европе, встреча-

¹ Так в источнике.

ется и у енисейских кетов. «Однако по сравнению с вариантами фигуративного истолкования лунных пятен таких случаев в Европе и Сибири ничтожно мало» [Брезкин 2013: 99–100].

Примечательно, что монгольское определение затмения *хиртэх* не зафиксировано не только у калмыков, но, по нашему мнению, неизвестно у предбайкальских бурят, живущих к северу от оз. Байкал. Этот факт может быть объяснен поздним распространением данного определения среди монгольских народов. Ориентировочно это слово могло войти в лексику монголов уже после ухода части ойратов (совр. калмыков) на берега р. Волги.

Относительно этого термина существует мнение Д. Д. Дондовой, которая полагает, что монгольское слово *kirteh* с его первоначальным (прямым) значением «загрязняться, запачкаться, замараться, потускнеть» связано с тюркским *kirik* — «пачкаться, загрязняться», *kir* — «грязь, сор» [Дондова 2003: 34], но автором это предположение не обосновано. Мысль о заимствовании данного определения из тюркского языка ставит новые вопросы: разные варианты выражений, обозначающих затмения в самих тюркских языках, никак не связаны с понятиями «грязь», «пачкаться». Выходит, что монгольское население, проживающее практически в окружении тюркских народов, сохранило этот термин, а сами тюрки его утратили. Обращает на себя внимание и тот факт, что данный термин расходится с преобладающим в мифах монгольских народов мотивом захвата небесных светил чудовищем. Таким образом, монгольский вариант обозначения лунного / солнечного затмения представляет определенную загадку, которая требует своего разрешения.

В Сибири нефигуративный характер лунных пятен был отмечен только в толкованиях енисейских кетов, язык которых предположительно связан родством с сино-кавказской макросемьей. А они, напомним, также видели в лунных пятнах разные формы загрязнения [Брезкин 2013: 99–100].

3.2. Действия во время затмения

Лунное и солнечное затмения считались опасным явлением, и люди переживали его, соблюдая определенные правила. У ойратов, в частности, запрещалось спать во время затмения, следовало наблюдать за ним, пока оно не закончится, и только потом ложиться спать. Во время солнечного или лунного затмения запрещено было пировать или заниматься сексом, так как это считалось большим грехом. Также в это время следовало прикрывать дымовое отверстие юрты. Определенные ограничения отмечены и в питании: захчины во время затмения не варили мясную пищу, обходились молочной и так ночевали [Ганболд 2012: 31]. Локальным действием является обычай бурят во время затмения мешать перекисшее молоко — *курунгу*, но его значение уже потеряно [Михайлов 1996: 74].

Алгоритм действий разных народов тюрко-монгольского мира был примерно одинаков. Во время затмения нужно было создавать много шума: для этого били по металлической посуде, звенели медными колокольчиками, стреляли из ружья в сторону светила, кричали: «Луна умерла!», «Алха, пусти!», тем самым пугая чудовище, схватившее луну. Олёты во время затмения молились, сжигая ягоды можжевельника, зажигали свечи, били по металлическим предметам, чтобы создать шум, стреляли из ружей и заставляли детей плакать [Ганболд 2012: 31]. Помимо этого, среди обязательных действий отмечались насильственные дей-

ствия в отношении собак — их били, крутили им уши, добиваясь того, чтобы животные визжали и лаяли. Это подтверждается сообщением обурятавшегося тунгуса (из Присаянья): *«Во время затмения в старые годы науськивали собак, чтобы они своим лаем прогнали альбин-читкура от месяца»* [Потанин 1883: 193]. Так поступали хакасы, тувинцы, буряты, алтайцы. Монголы заставляли лаять и визжать собак темной масти с рыжими подпалинами и со светлыми пятнами над глазами — *улан халтар* [БРС 1973: 539]. Таких собак называют *дөрвөн нүдтэй* «четыреглазными» и наделяют их особыми магическими способностями — якобы только их взору доступно то, что никто другой не способен увидеть. Например, «четыреглазые» собаки, по мнению бурят и хакасов, могут видеть луну в период междулуния. Такие собаки якобы могли видеть иной мир [Бурнаков 2012 : 201].

Так почему же во время затмений небесных светил доставалось именно собакам? Ответ, на наш взгляд, можно найти в соседнем дальневосточном регионе. В мифологической картине мира народов Приамурья обитателями Солнца и Луны являются злые собаки, которые набрасываются на светила в момент затмения. Нивхи, удэгейцы и нанайцы считали, что, когда солнце и луна теряли свой блеск, их пожирали «небесные» собаки. При наступлении затмения они били по металлическим предметам, чтобы прогнать животных. В нанайской легенде луна-мужчина Биа полюбил Солнце — женщину Сиун, период междулуния был для них временем свидания. Их близость не понравилась верховному божеству Эндури, который спустил свою собаку на луну. Она укусила Биа, тогда он отправился на далекие небесные луга, чтобы полечиться целебными травами. И ушел так далеко, что люди на земле перестали видеть лунный свет — такое объяснение дается в ней затмению [Подмаскин 2004: 102]. Отголосок этого мотива обнаруживается в мифологии якутов, которые фазы луны объясняли регулярными нападениями на светило волков и медведей.

Аналогичные версии затмения бытовали и по другую сторону Тихого океана. *«Индейцы Америки считали, что во время затмения за луной гонятся по небу огромные собаки, которые хватали и терзали это светило, пока ее свет не становился багровым и тусклым от крови, струящейся из ран. Индейцы поднимали оглушительный шум, стреляли, играли на музыкальных инструментах и били собак»* [Подмаскин 2004: 104]. Наличие таких сюжетов среди американских индейцев указывает, что возраст этого мотива никак не меньше того времени, когда предки индейцев ушли на земли нового континента.

Среди других «приемов», использовавшихся в целях «спасения» небесного светила, выделяются действия тюрков Южной Сибири, бурят и якутов, которые особые функции возлагали на ритуальные действия, направленные на «освобождение» небесных светил и выполняемые людьми социально-обездоленными — сиротами. Согласно убеждениям бурят, во время затмения громко кричать и плакать должны были дети-сироты. Считалось, что плач сироты доносится до самого верхнего яруса неба, а потому будет услышан верховным божеством, который сурово накажет обидчика сироты. Также к группе обездоленных буряты причисляли вдов. Это убеждение хорошо отражено в эпосе «Гэсэр», в сюжете, описывающем огромные бедствия, обрушившиеся на головы людей с поражением главы восточных небожителей Атай Улана в битве с его соперником из лагеря западных небожителей. Части тела побежденного Атай Улана были сброшены

на землю, где они превратились в разного рода чудовищ, начавших истреблять людей, насылая на них болезни. Земные цари, терявшие своих подданных, решили воззвать к своим небесным покровителям с просьбой защитить их. Чтобы их просьбы достигли неба, с больных и страдающих подданных собирали слезы и слюни, а великой шаманкой был совершен обряд *сасали барьха* — чашу с этим подношением она бросила на небо. Чаша разбила угол дворца верховного небожителя Хана-Хюрмас-тэнгэри, дворец пошатнулся, и только тогда небожитель смог узнать о бедствиях людей. В другой, более этнографичной версии этого, чтобы просьбы людей дошли до божеств, жестоко избили безмужнюю вдову Билэхэн и оставшегося без родителей мальчика [сироту] — «они плакали и кашляли, тогда их слюни и слезы собрали в разбитой поваренке. Ныне буряты говорят, что слезы безмужней вдовы и сирот ядовиты, т. е., что их безвинно заставляли плакать и обижать очень грешно» [Хангалов 1959: 246].

Обижать сироту большим грехом считали и якуты. «Если заставить плакать сироту, то его плач проходит насквозь через девять небес и становится слышен Айыы тойону. Тогда Айыы тойон накажет человека, обидевшего сироту» [ЯМ 2004: 261]. Хакасы и тувинцы в ночь лунного затмения заставляли кричать одинокого мужчину, сироту от рождения, голос которого якобы мог доноситься до луны. Человек, на которого возлагалась миссия обращения к небу, кричал, называя свое имя: «Голос такого-то [имя] одинокого человека дойдет до неба!» [Бутанаев, Монгуш 2005: 43; Потанин 1883: 192].

Тувинцы из Эрзинского района, наделяя сверхъестественными способностями близнецов вообще, особо выделяя мальчика, родившегося в паре с девочкой. Они верили, что, вырастая, он «мог во время солнечного затмения кричать, обращаясь к солнцу, на злые силы, вызывающие затмение» [Потапов 1969: 275].

Южнее, в Монголии, этот обычай и его толкование существенно отличается. Так, у ойратов, алтайских урянхайцев во время затмения принято было заставлять плакать и кричать трехлетних мальчиков. Объяснялось это только тем, что, с одной стороны, число три в монгольской культуре является сакральным, с другой — мальчик, достигший трех лет, уже считался большим. Следует отметить, что в монгольской культуре очередной этап социализации ребенка был связан с переходом малыша из младенчества в детство и обычно приходился на трехлетний возраст. Маркировался этот переход особым обрядом — стрижкой утробных волос ребенка. Говорят, что герои монгольского народного эпоса достигают полной силы и мужества к трем годам [Ганболд 2012: 31].

Характерные возможности сироты в мифологии и обрядовых практиках тюрко-монгольских народов обнаруживают аналогии в традициях разных славянских народов. У них считается, что слезы сирот и вдов могут влиять на погоду, вызывать дождь во время засухи, поскольку им оказывает особое покровительство сам Бог, стоящий на страже их интересов [Сирота в языке...]

4. Заключение

В центральной части Внутренней Азии преобладают представления о лунном затмении как о пленении, поглощении луны неким чудовищем, локализующимся на небе. Его образ, имея южное происхождение (Индия), распространялся с буддизмом. Предположительно, локальным (сибирским) видится образ большого темного зверя, в котором угадываются черты медведя, периодически выбираю-

щегося из своего убежища и глотающего небесные светила, а потом уходящего спать. Более редкими и, возможно, более архаичными являются взгляды о гибели небесного светила.

Определения затмения, выражающие идею загрязнения, помутнения, носят следы архаичного мифологического сюжета, имеющего африканские «корни». Несмотря на отсутствие в тюрко-монгольской среде мифов, повествующих о причине и форме загрязнения луны, этот факт ставит проблему исследования хронологии и направлений миграции народов, оставивших эти представления. Интерес вызывает их языковая и этническая принадлежности. Учитывая, что в сибирском регионе такое же толкование затмения было зафиксировано только у енисейских кетов, его наличие в лексике монголов, возможно, отражает какие-то очень давние связи предков монголов с этим населением.

В ритуальных действиях, направленных на «спасение» небесного светила, также можно увидеть следы архаичных представлений, связывающих Сибирь с регионами российского Дальнего Востока, Восточной Азии (действия с собаками). Локальный характер имеет обычай включения в ритуалы «спасения» луны сирот, бытующий у тюрков Южной Сибири, бурят. К числу таких особенных людей в некоторых местах относят вдов, близнецов, мальчиков, достигших трехлетнего возраста.

Источники

ЦВРК — Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.

Sources

Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS)

Интернет-источник

Сирота в языке ... — Сирота в языке, верованиях и обрядах. Лаборатория фольклористики Российского государственного гуманитарного университета. Фольклор и пост-фольклор: структура, типология, семиотика [электронный ресурс] // URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/TROFIM1.htm> (дата обращения 15.05.2025).

Online source

An Orphan in Language, Beliefs, and Rituals. The Laboratory of Folklore Studies at the Russian State University for the Humanities. Folklore and Post-folklore: Structure, Typology, Semiotics. Available at: <https://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/TROFIM1.htm> (accessed 15 May 2025).

Литература

Алексеев 1980 — Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 315 с.
БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь. Т. III. Ө—Ф. М.: Academia, 2001. 439 с.

References

Alekseev N. A. Early Forms of Religion of the Turkic Peoples of Siberia. Novosibirsk: Nauka, 1980. 315 p. (In Russ.)
Big Academic Mongolian-Russian Dictionary. Vol. 3. Ө—F. Moscow: Academia, 2001. 439 p. (In Mong. & Russ.)

- Березкин 2013 — *Березкин Ю. Е.* Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. СПб.: Наука, 2013. 320 с.
- БРС 1973 — Бурятско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. М.: Советская энциклопедия, 1973. 803 с.
- Бурнаков 2012 — *Бурнаков В. А.* Традиционные представления хакасов о собаке // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2012. № 5. С. 196–216.
- Бурнаков, Цыденова 2013 — *Бурнаков В. А., Цыденова Д. Ц.* Луна в традиционном мировоззрении хакасов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2013. Т. 12. Вып. 3. С. 267–279.
- Бутанаев 1999 — *Бутанаев В. Я.* Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Хакасия, 1999. 236 с.
- Бутанаев 2003 — *Бутанаев В. Я.* Бурханнизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Хакасск. гос. ун-т, 2003. 260 с.
- Бутанаев, Монгуш 2005 — *Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В.* Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан: Хакасск. гос. ун-т, 2005. 196 с.
- Васильев 2020 — *Васильев В. Е.* К происхождению культа солнца и неба у якутов // География: развитие науки и образования. СПб.: Астерион, 2020. С. 431–435.
- Ганболд 2012 — *Ганболд М.* Ойрад монголчуудын байгаль хамгаалах уламжлал. Bibliotheca oiratica–XXVIII. Улаанбаатар: Соёмбо, 2012. 189 х.
- Гэсэр 1988 — *Гэсэр.* Бурятский героический эпос. Кн. 1 / пер. с бур. В. Солоухина. М.: Современник, 1988. 397 с.
- Джанузаков 1982 — *Джанузаков Т. Д.* Очерк казахской ономастики. Алма-Ата: Наука, 1982. 175 с.
- Дондокова 2003 — *Дондокова Д. Д.* Лексика духовной культуры бурят. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2003. 134 с.
- Berezkin Yu. E. Africa, Migrations, Mythology. Areas of Distribution of Folklore Motifs in Historical Perspective. St. Petersburg: Nauka, 2013. 320 p. (In Russ.)
- Buryat-Russian Dictionary. K. Cheremisov (comp.). Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1973. 803 p. (In Buryat & Russ.)
- Burnakov V. A. Traditional Ideas of the Khakass People about Dogs. In: Worldview of the Population of Southern Siberia and Central Asia in Historical Retrospect. 2012. No. 5. Pp. 196–216. (In Russ.)
- Burnakov V. A., Tsydenova D. Ts. The Moon in the Traditional Worldview of the Khakassians. *Vestnik NSU. Series: History & Philology*. 2013. Vol. 12. No. 3. Pp. 267–279. (In Russ.)
- Butanayev V. Ya. Khakassian-Russian Historical and Ethnographic Dictionary. Abakan: Khakasiya, 1999. 236 p. (In Russ.)
- Butanayev V. Ya. Burkhanism of the Sayano-Altai Turkic Peoples. Abakan: Khakassian State University, 2003. 260 p. (In Russ.)
- Butanayev V. Ya., Mongush Ch. V. Archaic Customs and Rituals of the Sayan Turkic Peoples. Abakan: Khakassian State University, 2005. 196 p. (In Russ.)
- Vasiliyev V. E. On the Origin of the Cult of the Sun and Sky among the Yakuts. In: Geography: Development of Science and Education. St. Petersburg: Asterion, 2020. Pp. 431–435. (In Russ.)
- Ganbold M. The Nature Conservation Tradition of the Oirat Mongols. (Bibliotheca Oiratica–XXVIII). Ulaanbaatar: Soyombo, 2012. 189 p. (In Mong.)
- Geser. Buryat Heroic Epic. Book 1. V. Soloukhin (transl. from Buryat). Moscow: Sovremennik, 1988. 397 p. (In Russ.)
- Dzhanuzakov T. D. Essay on Kazakh Onomastics. Alma-Ata: Nauka, 1982. 175 p. (In Russ.)
- Dondokova D. D. Vocabulary of Buryat Spiritual Culture. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2003. 134 p. (In Russ.)

- Дугаров 2005 — *Дугаров Б. С.* Бурятская гэсэриада: небесный пролог и мир эпических божеств. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. 298 с.
- Дугаров B. S. Buryat Geseriad: Heavenly Prologue and the World of Epic Deities. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2005. 298 p. (In Russ.)
- Катанов 1907 — *Катанов Н. Ф.* Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым). Т. 9. СПб.: [б. и.], 1907. 640 с.
- Katanov N. F. The Dialects of the Uriankhians (Soyots), Abakan Tatars and Karagases (Samples of Folk Literature of Turkic Tribes, published by V. V. Radlov). Vol. 9. St. Petersburg, 1907. 640 p. (In Russ.)
- Кузьмина 2023 — *Кузьмина А. А.* Концепт «Луна» в якутской языковой картине мира // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21. № 3. С. 106–117.
- Kuz'mina A. A. The Concept of "Moon" in the Yakut Linguistic Picture of the World. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2023. Vol. 21. No. 3. Pp. 106–117. (In Russ.)
- Манжигеев 1978 — *Манжигеев И. А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М.: Наука, 1978. 125 с.
- Manzhigeev I. A. Buryat Shamanistic and Pre-shamanistic Terms. Moscow: Nauka, 1978. 125 p. (In Russ.)
- Михайлов 1996 — *Михайлов В. А.* Религиозная мифология. Улан-Удэ: Соёл, 1996. 111 с.
- Mikhaylov V. A. Religious Mythology. Ulan-Ude: Soyol, 1996. 111 p. (In Russ.)
- МКРС 2002 — Я изучаю калмыцкий. Малый калмыцко-русский словарь / сост. Илишкин И. К., Муниев Б. Д., Бадмаева В. Д., Шургучинова М. О. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 511 с.
- I am studying Kalmyk. Small Kalmyk-Russian Dictionary. I. Ilishkin, B. Muniev, V. Badmaeva, M. Shurguchinova (comp.). Elista: Kalmykia Book Publ., 2002. 511 p. (In Russ.)
- Подгорбунский 1996 — *Подгорбунский В. И.* Религиозные и космологические представления у бурят, якутов и тунгусов (полевые материалы 1913–1922 гг.) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. Вып. 2. М.: Наука, 1996. С. 221–241.
- Podgorbunskiy V. I. Religious and Cosmological Ideas of the Buryats, Yakuts and Tungus (field materials from 1913–1922). In: Problems of the Ethnic History and Culture of the Turkic-Mongolian Peoples of Southern Siberia and Adjacent Territories. No. 2. Moscow: Nauka, 1996. Pp. 221–241. (In Russ.)
- Подмаскин 2004 — *Подмаскин В. В.* Космография тунгусо-маньчжуров и нивхов // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2004. № 1(113). С. 94–105.
- Podmaskin V. V. Cosmography of the Tungus-Manchus and Nivkhs. *Vestnik of the Far Eastern Branch of the RAS*. 2004. No. 1(113). Pp. 94–105. (In Russ.)
- Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1883. 1029 с.
- Potanin G. N. Essays on Northwestern Mongolia. No. 4. Ethnographic Materials. St. Petersburg: V. Kirshbaum, 1883. 1029 p. (In Russ.)
- Потапов 1969 — *Потапов А. П.* Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 401 с.
- Potapov A. P. Essays on the Folk Life of the Tuvans. Moscow: Nauka, 1969. 401 p. (In Russ.)

- Рассадин 2002 — *Рассадин В. И.* Сойыт–быраат–орыс словарь (= Сойотско–бурятско–русский словарь). Улан-Удэ: [б. и.], 2002. 226 с.
- Семь звезд 2004 — Семь звезд. Калмыцкие легенды и предания / сост., пер., вступит. ст., комм. Д. Э. Басаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 415 с.
- Слепцов 1972 — Якутско–русский словарь / ред. Слепцов П. А. М.: Советская энциклопедия, 1972. 568 с.
- ТНВС 2008 — Тюркские народы Восточной Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Алексеев. М.: Наука, 2008. 422 с.
- Хангалов 1959 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. В 3 тт. Т. II. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. 443 с.
- Юша 2024 — *Юша Ж. М.* Культ солнца и луны в обрядах и верованиях тюрков Саяно-Алтая // Традиционная культура. 2024. Т. 25. № 4. С. 14–21.
- ЯМ 2004 — Якутские мифы. Саха өс-номохторо / сост. Н. А. Алексеев. Новосибирск: Наука, 2004. 451 с.
- Rassadin V. I. Soyot-Buryat-Russian Dictionary. Ulan-Ude: [s.n.], 2002, 226 p. (In Russ.)
- Seven Stars. Kalmyk Legends and Traditions. D. Basaev (comp., trans., introd. article, comm.). Elista: Kalmykia Book Publ., 2004. 415 p. (In Russ.)
- Sleptsov P. A. (ed.). Yakut-Russian Dictionary. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1972. 568 p. (In Yakut. & Russ.)
- Turkic Peoples of Eastern Siberia. D. Funk, N. Alekseev (ed.). Moscow: Nauka, 2008. 422 p. (In Russ.)
- Khangelov M. N. Collected Works. In 3 vols. Vol. 2. Ulan-Ude: Buryatiya Book Publ., 1959. 443 p. (In Russ.)
- Yusha Zh. M. The Cult of the Sun and Moon in the Rituals and Beliefs of the Turks of Sayan-Altai. *Traditional Culture*. 2024. Vol. 25. No. 4. Pp. 14–21. (In Russ.)
- Yakut Myths. N. Alekseev (comp.). Novosibirsk: Nauka, 2004. 451 p. (In Yakut & Russ.)